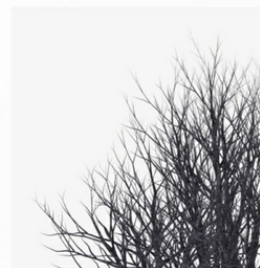
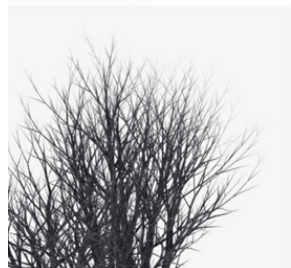

Рубцова Татьяна

16+

Вали и Карамат

Татяна Рубцова
Вали и Карамат

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рубцова Т. А.

Вали и Карамат / Т. А. Рубцова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Есть такое понятие в философии суфизма, как вали. Это одновременно и святость, и сила. Это и человек, воплощающий в себе что-то близкое, дорогое людям, и великое. Сила творит чудеса – это уже карамат. Вместе они – дар Бога людям, но по отдельности сила, не способная на великие свершения, просто никому не нужна. А чудеса без силы, способной совершить их – просто досужий вымысел старого сказочника. Пустые мечты. Только соединившись, они принесут счастье.

Стриж трепетал в струе еще горячего вечернего воздуха. Крылышки его мелко и часто дрожали. Он пронзительно звенел. Белое облачко одиноко плавало в бледно-синем небе. Солнце золотило верхушки далеких западных гор. И звонкая песня стрижа возносилась к нему. В мире царил покой.

Но налетел откуда-то ветер, незванный гость. И погнал облачко, встряхнул и взбил его, словно новый пуховик.

Стриж дернулся и нырнул вниз, весь затрепыхался и выпорхнул, купаясь в свежей струе, как в быстрой реке.

Ветер усилился, облачко разрослось, потемнело и закрыло палящее солнце. А с запада появилось еще одно облако, похожее на простыню – такое большое и белое. Ему предстояло покрыть мир и дать ему отдохнуть от дневной жары.

Ветер рванулся к земле, согнул в поклоне молодые тополя. А с ними упал вниз и стриж. Тревожный звон его разлетелся в порыве ветра. И слабая птичка заметалась в вихре. Пронзительный возмущенный вскрик ее упал в заросли вейника, запутался в его сухом шорохе и вознесся к мягкому шелесту молодой тополиной листвы.

Стриж нашел пристанище в развилке тополиных, тесно сплетенных ветвей.

Ветер набирал силу. Но много отваги теплилось в крохотном сердце стрижа. Отчаянно зазвенев, он сорвался с дружественной ветки и опрометью ринулся в бурный воздушный поток, завертелся в нем, и перья у него встали дыбом, разрываемые ветром.

Но стриж звенел радостно и гордо.

И побежденный ветер утих, лег на землю вместе с песком и пылью. Остатки его растворились в синей глубине. Солнце снова явилось в своем пылающем ореоле. И крохотная птичка вознеслась к нему, звеня хвалу на весь мир.

Девушка отложила флейту на курпачу, легко соскочила с тахты, взбежала на айван, замерла, ступив на дощатый пол, хлопнула в ладоши и закурилась, быстро переступая босыми маленькими ножками. Руки ее извивались, как лозы. Она была тоненькая, почти прозрачная, в стареньком платье из яркого маргиланского шелка, которое она достала еще из свадебного сундука своей матери и носила уже третий сезон.

Она закончила первый курс колледжа искусств и считалась там восходящей звездой.

Стриженные мелкие кудряшки разлетались во все стороны. Голос ее звенел. Она напевала себе без слов ту самую мелодию, что она играла на флейте, вдохновленная полетом стрижа. У нее была удивительная музыкальная память и музыкальный слух. Она буквально за минуты сочинила музыку и теперь подбирала к ней танец.

Вот ее кудряшки, взлетев, опали. Девушка присела, извиваясь, словно травинка под ветром, и стремительно вскочила, застыв в напряжении. Руки ее остались приподнятыми, а глаза испуганно расширились: в раскрытую калитку вошел мужчина в коричневом костюме без галстука. Был он приземистый и плотный, грубый и прочный, как глиняная супа в дедовском кишлаке.

– Валижон-ака! – девушка заметалась по айвану, поправила занавеску, выбивающуюся из открытого окна, кинулась к мужчине, на бегу свернула, отряхнула курпачу на тахте, бросилась к другому ее краю, но резко отпрянула, и побежала к воротам.

– Ты что, не слышала, как я подъехал? Чем ты занималась таким, скажи мне, что даже уши забыла! Все вертишься, из себя великую музыкантшу корчишь. Уйди из-под колес, нечего теперь суетиться. Я сам могу для себя все сделать.

Девушка испуганно отпрянула и нервно скомкала платье на животе.

– Ну что вы сердитесь все время, братец. Я музыку для ашулы придумала, танец к ней, осталось только слова подобрать. На вашей свадьбе хочу гостей порадовать. Не злитесь, пожалуйста.

– Велика радость, слушать маленькую дуру. Вот женюсь, моя Мукаддамхон приучит тебя к порядку. Она тебе покажет, как нужно за домом смотреть и старших слушаться. А то выпустил я тебя, добрый слишком. Мукаддамхон тебя перевоспитает, – говоря это не громко и ворчливо, Валижон раскрыл створки ворот, вышел и сел за руль новенькой «Captive», на которую только неделю назад получил номер.

– Не правда, – сдвинув брови, крикнула ему вслед девушка. – Мукаддамхон-опа добрая, она любит меня, я знаю! Меня все любят, кроме вас! Почему вы такой сердитый!

Машина чуть не сбила ее, она резко отпрыгнула, прижимая к себе подол широкого платья.

– Чтоб ты пропала, – заорал Валижон, отворяя дверцу и высовываясь. Чтоб у тебя ноги отвалились.

– Ой!

– Что ты все время под колеса лезешь, несчастье на мою голову. Чтоб твои мозги чирьями покрылись. И зачем только я забрал тебя от деда, лучше бы ты в кишлаке осталась. Долго мне еще тебя терпеть в моем доме! – Валижон тяжело вылез из машины, взял тряпку и долго тер стекла и блестящую поверхность, наводя лоск.

– Разрешите, я протру, – начала девушка, чтобы услужить.

– Сам протру. Мне не нужна помощь. Хоть бы ты скорее замуж вышла. Подумать, какого жениха я нашел ей. Сын самого Байхожаева, Раим, захотел стать ее мужем, а она привередничает. Да он завтра может породниться с самим президентом.

– Нет, – девушка рывком отбросила вниз подол платья и выпрямилась, откинув руки назад. – Раим-ака любит меня, да, любит. И он будет ждать!

У Валижона сегодня был трудный день. У него сорвалась торговая сделка, ему выписали штраф санинспекторы, дергали нервы в хакимияте. Поэтому он срочно искал сливной бак, в который мог бы выплеснуть все скопившиеся негативные эмоции. Младшая сестра всегда была готова принять на себя весь этот слив.

– Да кто плевать хотел на тебя, – продолжал, накручивая себя, старший брат. – Вбила в голову, что все ее любят! Кому ты нужна, дрянная девчонка. Это все негодная Хуршида-опа всем все уши заполнила словами о том, что ты умница-разумница, и у тебя есть большой дар. Играет она, видите ли, лучше всех и музыку душой чувствует. Сумасшедшая тетка глупости наболтала, а ты и поверила. Только знаешь, сколько мышь не корми, с барана не вырастет. Да я, может быть, в твои годы лучше тебя играл, слышишь, ты, Ванесса Мэй нашей махалли. Посмотри на меня. Я вот тружусь на благо семьи. Думаешь, на нас с неба блага сыпятся? А тоже мог бы песенки сочинять, да спать полдня. Мне даже никто спасибо никогда не сказал, что я тебя воспитываю. Неблагодарная! Я ведь стал тебе и отцом, и матерью после смерти наших родителей. А чем ты мне платишь? Даже ворота открыть старшему брату не можешь. Вымой машину! Что, мне после целого дня тяжелой работы еще и за тряпку браться?

Девушка, потеряв дар речи, молча уставилась на него. Весь вид ее был воплощением одного единственного чувства – удивления, безграничного и полного.

– Что уставилась, негодная! – Валижон срыву, в сердцах бросил тряпку на капот.

Девушка со слезами на глазах кинулась к дому, к сараю.

– Эй, безголовая, кричал ей брат, когда она показалась с пластиковым ведром и тряпкой. – Принеси мне чаю сначала, или я по твоей милости должен умереть от жажды?

Выронив ведро, девушка остановилась посреди двора, съезжилась и помчалась к кухне.

– А обед сготовила? Или голодом меня уморить хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.